

ЕВГЕНИЙ ОНЕГИН

Роман в стихах

Предисловие «Полки»

Первый русский роман в стихах. Новая модель литературы как легкого разговора обо всем. Галерея вечных русских характеров. Революционная для своей эпохи история любви, ставшая архетипом романтических отношений на много поколений вперед. Энциклопедия русской жизни. Наше все.

Игорь Пильщиков

О ЧЕМ ЭТА КНИГА?

Столичный повеса Евгений Онегин, получив наследство, уезжает в деревню, где знакомится с поэтом Ленским, его невестой Ольгой и ее сестрой Татьяной. Татьяна влюбляется в Онегина, но он не отвечает ей взаимностью. Ленский, приревновав невесту к другу, вызывает Онегина на дуэль и гибнет. Татьяна выходит замуж и становится великосветской дамой. Теперь уже Евгений в нее влюбляется, но Татьяна сохраняет верность мужу. В этот момент автор прерывает повествование — «роман оканчивается ничем»¹.

Хотя сюжет «Евгения Онегина» небогат событиями, роман оказал огромное воздействие на русскую словесность. Пушкин вывел на литературную авансцену социально-психологические типажи, которые

будут занимать читателей и писателей нескольких последующих поколений. Это «лишний человек», (анти)герой своего времени, скрывающий свое истинное лицо за маской холодного эгоиста (Онегин); наивная провинциальная девушка, честная и открытая, готовая на самопожертвование (Татьяна в начале романа); поэт-мечтатель, гибнущий при первом столкновении с реальностью (Ленский); русская женщина, воплощение изящества, ума и аристократического достоинства (Татьяна в конце романа). Это, наконец, целая галерея характерологических портретов, представляющих русское дворянское общество во всем его разнообразии (циник Зарецкий, «старик» Ларины, провинциальные помещики, московские бары, столичные франты и многие, многие другие).

Александр Пушкин. Около 1830 года

КОГДА ОНА НАПИСАНА?

Роман писался восемь с половиной лет: с 9 мая 1823-го по 5 октября 1831 года.

Две первых главы и начало третьей написаны в «южной ссылке» (в Кишиневе и Одессе) с мая 1823-го по июль 1824 года. Пушкин настроен скептически и критически к существующему порядку вещей. Первая глава — сатира на современное дворянство; при этом Пушкин сам, подобно Онегину, ведет себя вызывающе и одевается как денди. Одесские и (в меньшей степени) молдавские впечатления отразились в первой главе романа и в «Путешествии Онегина».

Центральные главы романа (с третьей по шестую) окончены в «северной ссылке» (в псковском родовом имении — селе Михайловском) в период с августа

1824-го по ноябрь 1826 года. Пушкин испытал на себе (и описал в главе четвертой) скуку жизни в деревне, где зимой нет никаких развлечений, кроме книг, выпивки и катания в санях. Главное удовольствие — общение с соседями (у Пушкина это семейство Осиповых-Вульф, проживавших в имении Тригорском неподалеку от Михайловского). Так же проводят время герои романа.

Новый император Николай I вернул поэта из ссылки. Теперь Пушкин постоянно бывает в Москве и Петербурге. Он «суперзвезда», самый модный поэт России. Седьмая (московская) глава, начатая в августе–сентябре 1827 года, была окончена и переписана 4 ноября 1828 года.

Но век моды недолог, и к 1830 году популярность Пушкина сходит на нет. Утратив внимание современников, за три месяца Болдинской осени (сентябрь–ноябрь 1830-го) он напишет десятки произведений, составивших его славу у потомков. Помимо прочего, в нижегородском родовом имении Пушкиных Болдине завершены «Путешествие Онегина» и восьмая глава романа, а также частично написана и сожжена так называемая десятая глава «Евгения Онегина».

Почти год спустя, 5 октября 1831 года, в Царском Селе написано письмо Онегина. Книга готова. В дальнейшем Пушкин только перекомпоновывает текст и редактирует отдельные строфы.

«Евгений Онегин» концентрирует главные тематические и стилистические находки предшествующего творческого десятилетия: тип разочарованного героя напоминает о романтических элегиях и поэме «Кавказский пленник», обрывочная фабула — о ней же и о других «южных» («байронических») поэмах Пушкина, стилистические контрасты и авторская ирония — о поэме «Руслан и Людмила», разговорная интонация — о дружеских стихотворных посланиях поэтов-арзамасцев*1.

При всем том роман абсолютно анти-традиционен. В тексте нет ни начала (ироническое «вступление» находится в конце седьмой главы), ни конца: за открытым финалом следуют отрывки из «Путешествия Онегина», возвращающие читателя сначала в середину фабулы, а затем, в последней строчке, — к моменту начала работы автора над текстом («Итак я жил тогда в Одессе...»). В романе отсутствуют традиционные признаки романного сюжета и привычные герои: «Все виды и формы литературности обнажены, открыто явлены читателю и иронически сопоставлены друг с другом, условность любого способа выражения насмешливо продемонстрирована автором»². Вопрос «Как писать?» волнует Пушкина не меньше, чем вопрос «О чем писать?». Ответом на оба вопроса становится «Евгений Онегин». Это не только роман,

*1 «Арзамас» — литературный кружок, существовавший в Петербурге в 1815–1818 годах. Его членами были как поэты и писатели (Пушкин, Жуковский, Батюшков, Вяземский, Кавелин), так и политические деятели. Арзамасцы выступали против консервативной политики и архаичных литературных традиций. Отношения внутри кружка были дружескими, а собрания были похожи на веселые посиделки. Для поэтов-арзамасцев излюбленным жанром было дружеское послание, ироничное стихотворение, полное намеков, понятных только адресатам.

Кабинет Пушкина в музее-усадьбе «Михайловское»

но и метароман (роман о том, как пишется роман).

Обойтись без захватывающего сюжета Пушкину помогает стихотворная форма («...я теперь пишу не роман, а роман в стихах — дьявольская разница»³). Особую роль в конструкции текста приобретает автор-повествователь, который своим постоянным присутствием мотивирует бесчисленные отступления от основной интриги. Такие отступления принято именовать лирическими, но в реальности они оказываются самыми разными — лирическими, сатирическими, литературно-полемическими, какими угодно. Автор говорит обо всем, о чем сочтет нужным («Роман требует болтовни»⁴), — и повествование движется при почти неподвижном сюжете.

Пушкинскому тексту свойственны множественность точек зрения, выражаемых

автором-повествователем и персонажами, и стереоскопическое совмещение противоречий, возникающих при столкновении различных взглядов на один и тот же предмет. Оригинален или подражателен Евгений? Какое будущее ждало Ленского — великое или заурядное? На все эти вопросы в романе даны разные, причем взаимоисключающие ответы. «За таким построением текста лежало представление о принципиальной неместимости жизни в литературу», а открытый финал символизировал «неисчерпаемость возможностей и бесконечной вариативности действительности»⁵. Это было новшеством: в романтическую эпоху точки зрения автора и повествователя обычно сливались в едином лирическом «я», а другие точки зрения корректировались авторской.

«Онегин» — радикально новаторское произведение в отношении не только композиции, но и стиля. В своей поэтике Пушкин синтезировал основополагающие черты двух антагонистических литературных направлений начала XIX века — младокарамзинизма и младоархаизма. Первое направление ориентировалось на средний стиль и разговорную речь образованного общества, было открыто новоевропейским заимствованиям. Второе соединяло высокий и низкий стили, опиралось, с одной стороны, на книжно-церковную литературу и одическую традицию XVIII века, с другой — на народную словесность. Отдавая предпочтение тем или иным языковым средствам, зрелый Пушкин не руководствовался внешними эстетическими нормативами, а делал свой выбор исходя из того, как работают эти средства в рамках конкретного замысла. Новизна и необычность пушкинского стиля поражали современников — а мы с детства к нему привыкли и нередко не чувствуем стилистических контрастов, а тем более стилистических нюансов. Отказавшись от априорного деления стилистических регистров на «низкие» и «высокие», Пушкин не только создал принципиально новую эстетику, но и решил важнейшую культурную задачу — синтез

языковых стилей и создание нового национального литературного языка.

ЧТО НА НЕЕ ПОВЛИЯЛО?

«Евгений Онегин» опирался на широчайшую европейскую культурную традицию от французской психологической прозы XVII–XVIII веков до современной Пушкину романтической поэмы, в том числе на опыты пародийной литературы, «остраняющей»^{*1} литературный стиль (от французской и русской ироикомической^{*2} и бурлескной^{*3} поэзии до байроновского «Дон Жуана») и сюжетное повествование (от Стерна до Гофмана и того же Байрона). От ироикомики «Евгений Онегин» унаследовал игровое столкновение стилей и пародирование элементов героического эпоса (таково, например, «вступление», имитирующее зачин классической эпопеи). От Стерна и стернианцев унаследованы переставленные главы и пропущенные строфы, беспрестанное отвлечение от основной фабульной нити, игра с традиционным сюжетосложением: завязка и развязка отсутствуют, а ироикомическое «вступление» по-стерниански перенесено в главу седьмую. От Стерна

*1 Остранение — литературный прием, превращающий привычные вещи и события в странные, будто увиденные в первый раз. Остранение позволяет воспринимать описываемое не автоматически, а более осознанно. Термин введен литературоведом Виктором Шкловским.

*2 Ироикомическая поэзия — пародия на эпическую поэзию: высоким стилем здесь описывается бытовая жизнь с попойками и драками. Среди характерных примеров русских ироикомических поэм — «Елисей, или Раздраженный Вакх» Василия Майкова, «Опасный сосед» Василия Пушкина.

*3 В бурлескной поэзии комический эффект строится на том, что грубым и вульгарным языком говорят эпические герои и боги. Если изначально ироикомическая поэзия, где о низком говорилось высоким слогом, противопоставлялась бурлеску, то к XVIII веку оба вида поэзии воспринимались как один шуточный жанр.

и от Байрона — лирические отступления, занимающие едва ли не половину романного текста.

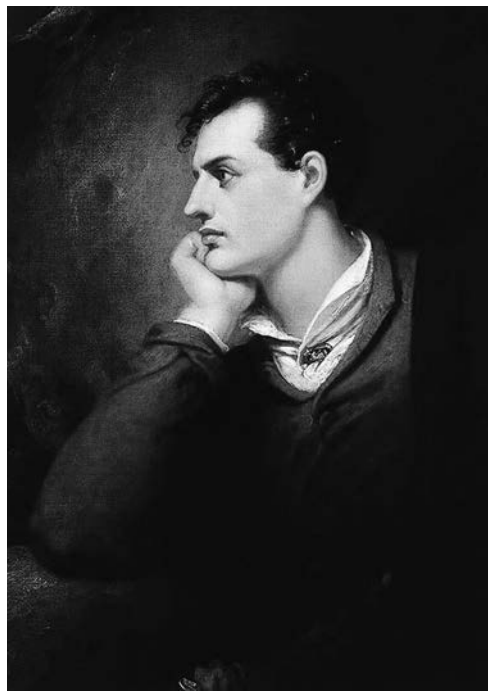
КАК ОНА БЫЛА ОПУБЛИКОВАНА?

Первоначально роман печатался сериально, поглавно — с 1825 по 1832 год. Помимо целых глав, выходявших отдельными книжками, в альманахах, журналах и газетах появлялись, как мы бы сейчас сказали, тизеры — небольшие фрагменты романа (от нескольких строк до десятка страниц).

Первое сводное издание «Евгения Онегина» было напечатано в 1833 году. Последнее прижизненное издание («Евгений Онегин, роман в стихах. Сочинение Александра Пушкина. Издание третье») вышло в свет в январе 1837 года, за полторы недели до гибели поэта.

КАК ЕЕ ПРИНЯЛИ?

По-разному, в том числе в ближайшем окружении поэта. В 1828 году Баратынский писал Пушкину: «Вышли у нас еще две песни “Онегина”. Каждый о них толкует по-своему: одни хвалят, другие бранят, и все читают. Я очень люблю обширный план твоего “Онегина”; но большее число его не понимает». Лучшие критики писали о «пустоте содержания» романа (Иван Киреевский), заявляли, что эта «блестящая игрушка» не может иметь «притязаний ни на единство содержания, ни на цельность состава, ни на стройность изложения» (Николай Надеждин),

Ричард Уэстолл. Джордж Гордон Байрон.
1813 год. Национальная
портретная галерея, Лондон

находили в романе «недостаток связи и плана» (Борис Федоров), «множество непрерывных отступлений от главного предмета» в нем считали «утомительным» (он же) и, наконец, приходили к выводу, что поэт «повторяет сам себя» (Николай Полевой), а последние главы знаменуют «совершенное падение» пушкинского таланта (Фаддей Булгарин).

В общем, «Онегина» приняли так, что Пушкин отказался от мысли продолжать роман: он «свернул его оставшуюся часть до одной главы, а на претензии зоилов ответил “Домиком в Коломне”, весь пафос которого — в утверждении абсолютной свободы творческой воли»⁶.

ЧТО БЫЛО ДАЛЬШЕ?

Одним из первых «огромное историческое и общественное значение» «Евгения Онегина» осознал Белинский⁷. В 8-й и 9-й статьях (1844–1845) так называемого пушкинского цикла (формально это была очень развернутая рецензия на первое посмертное издание сочинений Пушкина) он выдвигает и обосновывает тезис о том, «что “Онегин” есть поэтически верная действительности картина русского общества в известную эпоху»⁸, а потому «“Онегина” можно назвать энциклопедией русской жизни и в высшей степени народным произведением»⁹.

Двадцать лет спустя ультралевый радикал Дмитрий Писарев в статье «Пушкин и Белинский» (1865) призвал кардинально пересмотреть эту концепцию: по мнению Писарева, Ленский — бессмысленный «идеалист и романтик», Онегин с начала до конца романа «остается ничтожнейшим пошляком», Татьяна — просто дура (в ее голове «количество мозга было весьма незначительное» и «это малое количество находилось в самом плачевном состоянии»¹⁰). Вывод: вместо того, чтобы работать, герои романа занимаются ерундой. Писаревское прочтение «Онегина» высмеял Дмитрий Минаев в блистательной пародии «Евгений Онегин нашего времени» (1865), где главный герой представлен бородатым нигилистом — чем-то вроде тургеневского Базарова.

Еще через полтора десятилетия Достоевский в своей «пушкинской речи» (1880) выдвинул третью (условно «почвенническую») интерпретацию романа. Достоевский согласен с Белинским в том, что

в «Евгении Онегине» «воплощена настоящая русская жизнь с такою творческою силой и с такою законченностию, какой и не бывало до Пушкина»¹¹. Так же, как для Белинского, считавшего, что Татьяна воплощает «тип русской женщины»¹², Татьяна для Достоевского — «это положительный тип, а не отрицательный, это тип положительной красоты, это апофеоза русской женщины», «это тип твердый, стоящий твердо на своей почве. Она глубже Онегина и, конечно, умнее его»¹³. В отличие от Белинского Достоевский полагал, что Онегин вообще не годится в герои: «Может быть, Пушкин даже лучше бы сделал, если бы назвал свою поэму именем Татьяны, а не Онегина, ибо бесспорно она главная героиня поэмы»¹⁴.

Отрывки из «Онегина» начали включаться в учебные хрестоматии еще с 1843 года¹⁵. К концу XIX века складывается гимназический канон, выделивший «главные» художественные произведения 1820–1840-х годов, — в этом ряду обязательное место занимают «Горе от ума», «Евгений Онегин», «Герой нашего времени» и «Мертвые души». Советские школьные программы в этом отношении продолжают дореволюционную традицию — варьируется лишь интерпретация, но и она в конечном счете так или иначе базируется на концепции Белинского. А пейзажно-календарные фрагменты «Онегина» заучиваются наизусть с младших классов как фактически самостоятельные, идеологически нейтральные и эстетически образцовые произведения («Зима! Крестьянин, торжествуя...», «Гонимы вешними лучами...», «Уж небо осенью дышало...» и др.).

КАК «ОНЕГИН» ПОВЛИЯЛ НА РУССКУЮ ЛИТЕРАТУРУ?

«Евгений Онегин» быстро становится одним из ключевых текстов русской литературы. Проблематика, фабульные ходы и нарративные приемы многих русских романов и повестей прямо восходят к пушкинскому роману: главный герой как «лишний человек», не имеющий возможности найти в жизни применения своим недюжинным талантам; героиня, нравственно превосходящая главного героя; контрастная «парность» персонажей; даже дуэль, в которую ввязывается герой. Это тем более поразительно, что «Евгений Онегин» — это «роман в стихах», а в России с середины 1840-х годов наступает полувекровая эпоха прозы.

Еще Белинский отметил, что «Евгений Онегин» имел «огромное влияние и на современную... и на последующую русскую литературу»¹⁶. Онегин, подобно лермонтовскому Печорину, есть «герой нашего времени», и, наоборот, Печорин — «это Онегин нашего времени»¹⁷. Лермонтов открыто указывает на эту преемственность с помощью антропонимики: фамилия Печорина образована от названия северной реки Печоры, точно так же, как фамилии антиподов Онегина и Ленского — от названий расположенных очень далеко одна от другой северных рек Онеги и Лены.

Более того, сюжет «Евгения Онегина» явно повлиял на лермонтовскую «Княжну Мери». По словам Виктора Виноградова, «пушкинских героев сменили герои нового времени. <...> Потомок Онегина — Печорин разъеден рефлексией. Он уже не способен отдаться даже запоздалому чувству любви к женщине с той непосредственной страстностью, как Онегин. Пушкинскую

Таню сменила Вера, которая все-таки изменила мужу, предавшись Печорину»¹⁸. Двум парам героев и героинь (Онегин и Ленский; Татьяна и Ольга) соответствуют две аналогичные пары (Печорин и Грушницкий; Вера и княжна Мери); между героями происходит дуэль. У Тургенева в «Отцах и детях» воспроизводится отчасти похожий комплекс персонажей (антагонисты Павел Кирсанов и Евгений Базаров; сестры Катерина Локтева и Анна Одинцова), но дуэль приобретает откровенно трагический характер. Поднятая в «Евгении Онегине» тема «лишнего человека» проходит через все важнейшие произведения Тургенева, которому, собственно, и принадлежит этот термин («Дневник лишнего человека», 1850).

«Евгений Онегин» — первый русский метароман, создавший особую традицию. В романе «Что делать?» Чернышевский рассуждает о том, как найти сюжет для романа и выстроить его композицию, а пародийный «проницательный читатель» Чернышевского живо напоминает пушкинского «читателя благородного», к которому иронически обращается автор-повествователь. «Дар» Набокова — это роман о поэте Годунове-Чердынцеве, который сочиняет стихи, желая писать как боготворимый им Пушкин, и одновременно вынужден работать над биографией ненавидимого им Чернышевского. У Набокова, так же как впоследствии у Пастернака в романе «Доктор Живаго», стихи пишет герой, не равный автору — прозаику и поэту. Точно так же в «Евгении Онегине» Пушкин пишет стихотворение Ленского: это пародийное стихотворение, написанное в поэтике Ленского (персонажа), а не Пушкина (автора).

ЧТО ТАКОЕ «ОНЕГИНСКАЯ СТРОФА»?

Все поэмы Пушкина, созданные до 1830 года, написаны астрофическим^{*1} ямбом. Исключение — «Онегин», первое крупное произведение, в котором поэт опробовал строгую строфическую форму.

Каждая строфа «помнит» о своих предшествующих употреблениях: октава неминуемо отсылает к итальянской поэтической традиции, спенсера строфа^{*2} — к английской. Видимо, поэтому Пушкин не захотел воспользоваться готовой строфической структурой: необычное содержание требует необычной формы.

Для своего главного произведения Пушкин изобрел уникальную строфу, не имевшую прямых прецедентов в мировой поэзии. Вот формула, записанная самим автором: «4 croisés, 4 de suite, 1.2.1. et deux». То есть: четверостишие перекрестной рифмовки^{*3}, четверостишие смежной рифмовки^{*4}, четверостишие опоясывающей рифмовки^{*5} и заключительное двустишие. Возможные строфические образцы: одна из разновидностей одической^{*6} строфы¹⁹ и сонет²⁰.

Первая рифма строфы — женская^{*7}, заключительная — мужская^{*8}. Женские рифменные пары не следуют за женскими, мужские за мужскими (правило альтернанса). Размер — четырехстопный ямб, самая распространенная метрическая форма в поэтической культуре пушкинского времени.

Формальная строгость лишь оттеняет выразительность и гибкость поэтической речи: «Часто первое четверостишие задает тему строфы, второе ее развивает, третье образует тематический поворот, а двустишие дает четко сформулированное разрешение темы»²¹. Заключительные двустишия нередко содержат остроты и напоминают тем самым краткие эпиграммы. При этом следить за развитием сюжета можно, читая одни только первые четверостишия²².

На фоне такой строгой урегулированности эффектно выделяются отступления. Во-первых, это вкрапления иных метрических форм: письма героев друг к другу, написанные астрофическим четырехстопным ямбом, и песня девушек, написанная трехстопным хореем с дактилическими^{*9} окончаниями. Во-вторых, это редчайшие

*1 Не разбитым на строфы.

*2 Девятистрочная строфа: восемь стихов в ней написаны пятистопным ямбом, а девятый — шестистопным. Названа в честь английского поэта Эдмунда Спенсера, который ввел эту строфу в поэтическую практику.

*3 Наиболее употребляемый вид рифмовки в четверостишии, строки рифмуются через одну (abab).

*4 Здесь рифмуются смежные строки: первая со второй, третья с четвертой (aabb). Такой вид рифмовки наиболее распространен в русской народной поэзии.

*5 В этом случае первая строка рифмуется с четвертой, а вторая с третьей (abba). Первая и четвертая строки как бы опоясывают четверостишие.

*6 Строфа из десяти строк, строки подразделяются на три части: в первой — четыре строки, во второй и третьей — по три. Способ рифмовки — abab ccd eed. Как и следует из названия, в русской поэзии использовалась по преимуществу для написания од.

*7 Рифма с ударением на предпоследнем слоге.

*8 Рифма с ударением на последнем слоге.

*9 Рифма с ударением на третьем от конца слоге.

(и оттого очень выразительные) пары строф, где фраза, начатая в одной строфе, завершается в следующей. Например, в главе третьей:

*Татьяна прыг в другие сени,
С крыльца на двор, и прямо в сад,
Летит, летит; взглянуть назад
Не смеет; мигом обежала
Куртины, мостики, лужок,
Аллею к озеру, лесок,
Кусты сирен переломала,
По цветникам летя к ручью
И задыхаясь, на скамью*

XXXIX.

Упала...

Межстрофный перенос метафорически изображает падение героини на скамейку после долгого бега²³. Тот же прием использован в описании смерти Ленского, который падает, убитый выстрелом Онегина.

Помимо многочисленных пародий на «Онегина», позднейшие образцы онегинской строфы включают оригинальные произведения. Однако эту строфу оказалось невозможно использовать без прямых отсылок к пушкинскому тексту. Лермонтов в первой же строфе «Тамбовской казначейши» (1838) заявляет: «Пишу Онегина размером». Вячеслав Иванов в стихотворном вступлении к поэме «Младенчество» (1913–1918) оговаривается: «Размер заветных строф приятен», а первую строчку первой строфы начинает словами: «Отец мой был из нелюдимых...» (как в «Онегине»: «Мой дядя самых честных правил...»). Игорь Северянин сочиняет «роман в строфах» (!) под заглавием «Рояль Леандра»

(1925), и в стихотворном вступлении объясняется: «Пишу онегинской строфой».

Были попытки варьировать пушкинскую находку: «В порядке соперничества изобретались и другие строфы, подобные онегинской. Почти тотчас вслед за Пушкиным Баратынский написал свою поэму “Бал” тоже четырнадцатистишиями, но другого строения... А в 1927 году В. Набоков написал “Университетскую поэму”, перевернув порядок рифмовки онегинской строфы от конца к началу»²⁴. Набоков на этом не остановился: последний абзац «Дара» только выглядит прозаическим, а на деле представляет собой записанную в строчку онегинскую строфу.

ЧЕМ ИНТЕРЕСНЫ В РОМАНЕ ВТОРОСТЕПЕННЫЕ ПЕРСОНАЖИ?

Места действия романа меняются от главы к главе: Санкт-Петербург (новая европейская столица) — деревня — Москва (национально-традиционный патриархальный центр) — юг России и Кавказ. Персонажи удивительным образом варьируются в соответствии с топонимикой.

Филолог Максим Шапир, проанализировав систему именования персонажей в пушкинском романе, показал, что они разбиты на несколько категорий. «Степные» помещики — персонажи сатирические — наделены говорящими именами (Пустяков, Петушков, Буянов и т. п.). Московских бар автор называет без фамилий, только по имени и отчеству (Лукерья Львовна, Любовь Петровна, Иван Петрович, Семен Петрович и т. д.). Представители петербургского большого света — реальные лица

из пушкинского окружения — описаны полунамеками, но читатели легко узнавали в этих анонимных портретах реальных людей: «Старик, по-старому шутивший: / Отменно тонко и умно, / Что нынче несколько смешно» — его высокопревосходительство Иван Иванович Дмитриев, а «На эпиграммы падкий, / На все сердитый господин» — его сиятельство граф Гавриил Францевич Моден²⁵.

Другие современники поэта названы полными именами, если речь идет о публичной стороне их деятельности. Например, «певец Пиров и грусти томной» — это Баратынский, как разъясняет сам Пушкин в 22-м примечании к «Евгению Онегину» (одно из самых известных произведений раннего Баратынского — поэма «Пирры»). «Другой поэт», который «роскошным слогом / Живописал нам первый снег», — это князь Вяземский, автор элегии «Первый снег», объясняет Пушкин в 27-м примечании. Но если тот же самый современник «выступает на страницах романа в качестве частного лица, поэт прибегает к звездочкам и сокращениям»²⁶. Поэтому, когда с князем Вяземским встречается Татьяна, Пушкин сообщает: «К ней как-то В. подсел» (а не «К ней как-то Вяземский подсел», как печатают современные издания). Знаменитый пассаж «*Du somme il faut* (Шишков, прости: / Не знаю, как перевести)» не появлялся на свет в этом виде при жизни Пушкина. Сперва поэт намеревался использовать инициал «Ш.», но затем заменил его тремя астерисками*¹. Друг Пушкина и Баратынского Вильгельм Кюхельбекер полагал, что эти строки адресованы ему, и читал их: «Вильгельм, прости: / Не знаю,

как перевести»²⁷. Дописывая за автора имена, поданные в тексте только намеком, современные редакторы, заключает Шапир, одновременно нарушают нормы пушкинской этики и поэтики.

КОГДА ПРОИСХОДЯТ ОПИСАННЫЕ В РОМАНЕ СОБЫТИЯ И СКОЛЬКО ЛЕТ ГЕРОЯМ?

Внутренняя хронология «Евгения Онегина» давно интригует читателей и исследователей. В какие годы происходит действие? Сколько лет героям в начале романа и в конце? Сам Пушкин ничтоже сумняшеся писал (и не где-нибудь, а в примечаниях, входящих в текст «Онегина»): «Смеем уверить, что в нашем романе время расчислено по календарю» (примечание 17). Но совпадает ли романное время с историческим? Посмотрим, что нам известно из текста.

Во время дуэли Онегину 26 лет («...Дожив без цели, без трудов / До двадцати шести годов...»). Онегин расстался с Автором за год до этого. Если биография Автора повторяет пушкинскую, то это расставание произошло в 1820 году (в мае Пушкин был сослан на юг), а дуэль состоялась в 1821 году. Здесь возникает первая неувязка. Дуэль состоялась через два дня после именин Татьяны, а именины — Татьянин день — это 12 января (по старому стилю). Согласно тексту, именины праздновали в субботу (в черновиках — в четверг). Однако в 1821 году 12 января пришлось на среду. Впрочем, может быть,

*1 Астериск — типографский знак в виде звездочки.

празднование именин перенесли на один из ближайших дней (субботу).

Если главные события (от приезда Онегина в деревню до дуэли) все-таки происходят в период с лета 1820-го до января 1821 года, то Онегин родился в 1795 или 1796 году (он на три-четыре года младше Вяземского и на три-четыре года старше Пушкина), а блистать в Петербурге начал, когда ему было «без малого осьмнадцать лет», — в 1813-м. Однако в предисловии к первому изданию первой главы прямо сказано, что «она в себе заключает описание светской жизни петербургского молодого человека в конце 1819 года»²⁸. Конечно, мы можем это обстоятельство проигнорировать: в окончательный текст (издания 1833 и 1837 годов) эта дата не попала. Тем не менее описание столичной жизни в первой главе явно относится к концу 1810-х, а не к 1813-му, когда только-только закончилась Отечественная война и в самом разгаре была заграничная кампания против Наполеона. Балерина Истомина, чье выступление Онегин смотрит в театре, в 1813 году еще не танцевала; гусар Каверин, с которым Онегин кутит в ресторане Talon, еще не вернулся в Петербург из-за границы²⁹.

Несмотря ни на что, продолжаем отсчитывать от 1821 года. Когда в январе 1821 года Ленский погиб, ему было «осьмнадцать лет», стало быть, он родился в 1803-м. Когда родилась Татьяна, в тексте романа не говорится, но Пушкин сообщил Вяземскому, что письмо Татьяны Онегину, написанное летом 1820 года, — это «письмо женщины, к тому же 17-летней, к тому же влюбленной». Тогда Татьяна тоже родилась в 1803 году, а Ольга была ее младше на год, максимум на два (поскольку она уже

невеста, ей не могло быть меньше пятнадцати). Кстати, когда родилась Татьяна, ее матери было вряд ли больше 25 лет, так что «старушке» Лариной на момент знакомства с Онегиным около сорока. Впрочем, указания на возраст Татьяны в окончательном тексте романа нет, так что не исключено, что все Ларины были на пару лет старше.

В Москву Татьяна попадает в конце января или в феврале 1822 года и (осенью?) выходит замуж. Тем временем Евгений странствует. Согласно печатным «Отрывкам из Путешествия Онегина», он приезжает в Бахчисарай через три года после Автора. Пушкин был там в 1820-м, Онегин, стало быть, — в 1823-м. В строфах, не включенных в печатный текст «Путешествия», Автор и Онегин встречаются в Одессе в 1823 или 1824 году и разъезжаются: Пушкин отправляется в Михайловское (это произошло в последних числах июля 1824 года), Онегин — в Петербург. На рауте осенью 1824 года он встречает Татьяну, которая замужем «около двух лет». Вроде бы все сходится, однако в 1824 году Татьяна не могла на этом рауте говорить с испанским послом, поскольку у России еще не было дипломатических отношений с Испанией³⁰. Письмо Онегина Татьяне, за которым последовало их объяснение, датировано весной (мартом?) 1825 года. Но неужели этой знатной даме в момент финального свидания всего 22 года?

Таких мелких нестыковок в тексте романа немало. В свое время литературовед Иосиф Тойбин пришел к выводу, что в 17-м примечании поэт имел в виду не историческую, а сезонную хронологию (своевременную смену времен года внутри романного времени)³¹. По всей видимости, он был прав.

Петр Ламбин. Эскиз декораций к опере Петра Чайковского «Евгений Онегин».
Начало 1900-х

КАК ТЕКСТ «ОНЕГИНА»,
КОТОРЫЙ МЫ ЗНАЕМ
СЕГОДНЯ, СООТНОСИТСЯ
С ТЕМ, КОТОРЫЙ ЧИТАЛИ
СОВРЕМЕННОКИ ПУШКИНА?

Современники успели прочесть несколько вариантов «Онегина». В изданиях отдельных глав стихи сопровождались разного рода дополнительными текстами, из которых далеко не все попали в сводное издание. Так, предисловиями к отдельному изданию главы первой (1825) служили заметка «Вот начало большого стихотворения, которое, вероятно, не будет окончено...» и драматическая сцена в стихах «Разговор книгопродавца с поэтом».

Первоначально Пушкин задумал более длинное сочинение, возможно даже в двенадцати главах (в конце отдельного издания

главы шестой мы читаем: «Конец первой части»). Однако после 1830 года изменилось отношение автора к формам повествования (Пушкина теперь больше интересует проза), читателей к автору (Пушкин теряет популярность, публика считает, что он «исписался»), автора к публике (у него наступает разочарование в ее — хочется сказать «умственных способностях» — эстетической готовности принять «Онегина»). Поэтому Пушкин оборвал роман на полуслове, бывшую девятую главу напечатал как восьмую, бывшую восьмую («Путешествие Онегина») опубликовал в отрывках, поместив в конце текста после примечаний. Роман приобрел открытый финал, слегка закамouflированный замкнутой зеркальной композицией (ее образует обмен героев письмами и возвращение к одесским впечатлениям первой главы в конце «Путешествия»).

Из текста первого сводного издания (1833) исключены: вступительная заметка к главе первой, «Разговор книгопродавца с поэтом» и некоторые строфы, печатавшиеся в изданиях отдельных глав. Примечания ко всем главам вынесены в специальный раздел. Посвящение Плетнёву, первоначально предпосланное свдвоенному изданию глав четвертой и пятой (1828), помещено в примечание 23. Только в последнем прижизненном издании (1837) мы находим привычную нам архитектуронику*¹: посвящение Плетнёву становится посвящением всего романа.

В 1922 году Модест Гофман опубликовал монографию «Пропущенные строфы «Евгения Онегина». Началось изучение черновых редакций романа. В 1937 году, к столетию со дня смерти поэта, все известные печатные и рукописные варианты «Онегина» были напечатаны в шестом томе академического Полного собрания сочинений Пушкина (редактор тома — Борис Томашевский). В этом издании осуществлен принцип «последнего» прочтения и подачи вариантов черновых и беловых рукописей (от окончательных чтений к ранним вариантам).

Основной текст романа в этом же собрании напечатан «по изданию 1833 г. с расположением текста по изданию 1837 г.; цензурные и типографские искажения издания 1833 г. исправлены по автографам и предшествующим изданиям (отдельных глав и отрывков)»³². В дальнейшем в научных и массовых изданиях перепечатывался, за редчайшими исключениями и с некоторыми орфографическими вариациями, именно этот текст. Иначе говоря, критический текст «Евгения

Онегина», к которому мы привыкли, не совпадает ни с одним из изданий, вышедших при жизни Пушкина.

А ЧТО ЖЕ ТЕПЕРЬ, КОГДА
ОПУБЛИКОВАНЫ РУКОПИСИ
РОМАНА, НАМ ДЕЛАТЬ
С ПРОПУЩЕННЫМИ
СТРОФАМИ: НУЖНО ЛИ
ИХ ВОССТАНАВЛИВАТЬ
В ОСНОВНОМ ТЕКСТЕ?

Нет: они являются динамическим «эквивалентом» текста³³, на их место читатель волен подставить все что угодно (ср. с ролью импровизации в некоторых музыкальных жанрах). Более того, последовательно заполнить отточия невозможно: некоторые строфы или части строк сокращены, а другие никогда не были написаны.

Далее, некоторые строфы присутствуют в рукописях, но отсутствуют в печатном тексте. Есть строфы, имевшиеся в изданиях отдельных глав, но исключенные из сводного издания (например, развернутое сравнение «Евгения Онегина» с Гомеровою «Илиадою» в конце главы четвертой). Есть строфы, напечатанные отдельно как отрывки из «Евгения Онегина», но не вошедшие ни в отдельное издание соответствующей главы, ни в сводное издание. Таков, например, напечатанный в 1827 году в «Московском вестнике» отрывок «Женщины» — начальные строфы главы четвертой, которые в отдельном издании глав четвертой и пятой заменены серией номеров без текста.

*¹ Архитектоника — общая форма строения текста и взаимосвязи его частей. Понятие более крупного порядка, чем композиция — понимаемая как расположение и соотношение деталей внутри крупных частей текста.

Рукопись «Евгения Онегина».
1828 год

Такая «непоследовательность» — не случайный недосмотр, а принцип. Роман наполнен парадоксами, превращающими историю создания текста в художественный прием. Автор играет с текстом, не только исключая фрагменты, но и, наоборот, включая их «на особых условиях». Так, в авторских примечаниях приведено начало строфы, не вошедшей в роман («Пора: перо покоя просит...»), а две заключительные строфы главы шестой в основном тексте и в примечаниях даны автором в разных редакциях.

БЫЛА ЛИ В «ЕВГЕНИИ ОНЕГИНЕ» ТАК НАЗЫВАЕМАЯ ДЕСЯТАЯ ГЛАВА?

Пушкин писал свой роман, еще не зная, как он его закончит. Десятая глава — вариант

продолжения, отвергнутый автором. Из-за своего содержания (политическая хроника рубежа 1810–1820-х годов, включающая описание заговорщиков-декабристов) десятая глава «Онегина», даже если бы она была окончена, вряд ли могла быть напечатана при жизни Пушкина, хотя имеются сведения, что он давал ее на прочтение Николаю I³⁴.

Глава писалась в Болдине и была сожжена автором 18 или 19 октября 1830 года (об этом есть пушкинская помета в одной из болдинских рабочих тетрадей). Однако написанное не было уничтожено полностью. Часть текста сохранилась в виде авторского шифра, который в 1910 году разгадал пушкинист Петр Морозов. Тайнопись скрывает только первые четверостишия 16 строф, но никак не фиксирует оставшиеся 10 строк каждой строфы. Кроме того, несколько строф уцелели в отдельном черновике и в сообщениях друзей поэта.

В результате от всей главы до нас дошел отрывок из 17 строф, ни одна из которых не известна нам в завершенном виде. Из них только две имеют полный состав (14 стихов) и только одна достоверно зарифмована по схеме онегинской строфы. Порядок сохранившихся строф тоже не вполне очевиден. Во многих местах текст разобран гипотетически. Даже первая, едва ли не самая известная строчка десятой главы («Властитель слабый и лукавый» — об Александре I) читается лишь предположительно: у Пушкина в шифре записано «Вл.», что Набоков, например, расшифровывал как «Владыка»³⁵.

В «большом академическом издании» текст десятой главы (шифр, расшифровка и черновики отдельных строф) печатается

только в разделе черновых редакций³⁶. Решение печатать ее непосредственно после текста романа, реализованное во многих научно-массовых и массовых изданиях, неправомерно и принято исключительно по идеологическим причинам.

Неоднократно предпринимавшиеся попытки реконструировать «полный текст» главы безосновательны и потому безрезультатны. Некоторые «реконструкции» представляют собой откровенную подделку.

ОБ «ОНЕГИНЕ» СОСТАВЛЯЮТ ЦЕЛЫЕ ТОМА КОММЕНТАРИЕВ. ЗАЧЕМ ИХ ЧИТАТЬ?

В тексте романа есть масса подробностей, смысл которых от нас ускользает, тогда как современникам он был понятен с полуслова.

Онегин «как dandy лондонский одет» и «острижен по последней моде». А «по последней моде» — это как? Первые читатели сразу понимали, что, выйдя в свет, Онегин поменял длинную французскую стрижку à la Titus на короткую английскую, дендистскую³⁷. С другой стороны, короткая английская стрижка противопоставлена романтической немецкой à la Шиллер. Такая прическа у Ленского, недавнего гёттингенского*¹ студента: «кудри черные до плеч»³⁸. Таким образом, Онегин и Ленский, во всем противоположные друг другу, отличаются даже прическами.

На светском рауте Татьяна «в малиновом берете / С послом испанским говорит». О чем свидетельствует эта знаменитая деталь? Неужели о том, что героиня забыла снять головной убор? Конечно, нет. Благодаря этой подробности Онегин понимает, что перед ним знатная дама и что она замужем. Современный историк европейского костюма разъясняет, что берет «в России появился только в начале XIX века одновременно с другими западноевропейскими головными уборами, плотно охватывающими голову: парики и пудренные прически в XVIII веке исключали их употребление. В 1-й половине XIX века берет был только женским головным убором, и притом только замужних дам. Являвшийся частью парадного туалета, он не снимался ни на балах, ни в театре, ни на званых вечерах»³⁹. Береты делались из атласа, бархата или иных тканей. Они могли быть украшены плюмажем или цветами. Носили их наискось, так что один край мог даже касаться плеча.

В ресторане Talon Онегин с Кавериним пьют «вино кометы». Что за вино? Это le vin de la Comète, шампанское урожая 1811 года, превосходное качество которого приписывали влиянию кометы, ныне именуемой C/1811 F1, — она была хорошо видна в Северном полушарии с августа по декабрь 1811 года⁴⁰.

Кроме того, в романе, который написан, казалось бы, тем же языком, каким говорим мы с вами, в действительности много

*¹ Гёттингенский университет был одним из наиболее передовых учебных заведений того времени. Среди знакомых Пушкина было несколько выпускников Гёттингена, и все они отличались свободомыслием: декабрист Николай Тургенев и его брат Александр, лицейский учитель Пушкина Александр Куницын.

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно

в интернет-магазине

«Электронный универс»

e-Univers.ru